

ВСТРЕЧАЯ ПЛЕНУМ ЦК КПСС

ЖИТЬ В ИСКУССТВЕ ПО БОЛЬШОМУ СЧЕТУ

Заканчивается сезон театра имени Пушкина. Позади остались напряженный труд репетиций, волнующие дни премьер, поиски, творческие споры — все то, что составляет это сложное понятие «театральный сезон». Теперь нужно и можно подвести итоги пройденного, понять, каким путем шел театр, за что боролся, что отвергал, какими новыми знаниями жизни обогатил зрителя.

Наши театры ставят Чехова, Шекспира, Толстого. Но как ни плодотворно сотрудничество с великими художниками прошлого — сцена не может жить без современных пьес.

И в этом смысле серьезную тревогу вызывает репертуар Магнитогорского театра в нынешнем сезоне. Нет, «Сады цветут» и «Сестры Жерар» мы не увидели на его афише, как в прошлые годы. Но удивительное дело, включая в репертуар ряд пьес советских авторов, театр прошел мимо того интересного, свежего, по настоящему талантливому, что дала наша драматургия за последние годы, остановил свой выбор на произведениях малохудожественных, условно современных.

Правда, театр поставил «Хозяев жизни» — спектакль, заслуживающий, на наш взгляд, высокой оценки. И потому, что это очень профессиональная работа, и, главное, потому, что жизнь предстала здесь в каких-то глубинных ее проявлениях. Нет надобности подробно анализировать спектакль, о нем уже писалось. Но хочется еще раз подчеркнуть, какие большие возможности для творчества дает подлинно современная, умная пьеса. Работая над произведением Чепурина, драматурга вообще чуждого к веяниям времени, режиссер А. А. Резинин и коллекция артистов выдвинули, как главную в спектакле, мысль о все более углубляющейся через борьбу, через преодоление старого — торжестве новых гуманистических отношений. Примечательна в этой работе театра образ нашего современника с его ясностью и прямой, уважением и благожелательством к людям (Скворцов — арт. В. И. Морозов).

Но один хороший спектакль еще не делает погоду, не определяет линии всего сезона.

Вот спектакль «Хочу верить». В свое время мы с удовольствием прочли повесть А. Голосовского того же названия. Она привлекла нас заинтересованностью сюжета и той искренностью, горячностью, с каким автор и его герой — беспокойный журналист отстаивали право людей на доверие, утверждали ценность доброго имени человека.

Повесть стала пьесой. Занимательность осталась, но куда-то ушли большие мысли, острота конфликтов, идейная значительность произведения. Самое название «Хочу верить» вызывает предположение о борьбе, столкновении мнений — «хочу» верить, наперекор всему — «хочу» бороться с кем спорить? герою-журналисту Трофимову, если остальные персонажи живут на сцене обидно недолго, появляются и исчезают, не раскрываясь.

Итак, пьеса обеднила повесть. И уж коли решено было принять ее к постановке, надо было поду-

мать о форме спектакля, об углублении психологических характеристик, образов. Но режиссер Д. О. Козловский поступил просто: поставил детективный спектакль. Следя на протяжении двух часов за калейдоскопом событий, за быстрой сменой эпизодов, зрители, главным образом озабочены мыслью: «Кто шпион?». Конечно, воспитательное значение такого спектакля невелико.

Творчество писателей, драматургов итается жизнью. Но они не спокойные ее наблюдатели. Советский художник творит пристранно в том высоком значении слова, которое предполагает стремление таланта служить передовым идеям времени, своему народу. Показывая большие явления современности, он находит свои, только ему присущие, художественные решения.

Вот «Перед ужином» Розова, вот «Палата» Аleshина, — как талантливо, но и как по-разному говорят два драматурга о громадных сдвигтах в отношениях людей, в их психологии после разоблачений партий культа личности.

Магнитогорский театр «не заметил «Палаты», «Перед ужином» и поставил «Под одним небом» А. Мовзона.

В пьесе Мовзона — все на поверхности, все предпродносится драматургом, так сказать, в готовом виде, избавляя зрителя от необходимости думать, делать открытия.

Актеры играют эту пьесу в меру правдиво, в меру добросовестно. Но того, что называется чудом искусства не происходит. Пожалуй, уносясь из театра только два образа: Верочки, так задумчиво и взволнованно рассказывает арт. Г. Н. Золотарева историю этой девушки, и Бориса, сыгранного С. М. Черниковым без ненужного подчёркивания, в хорошей естественной манере.

Театр закончил свой сезон в городе спектаклем «Смертный приговор». О многом он заставляет задуматься. О том, в частности, как все-таки сложно многое в театре. Вот совсем недавно наш театр отмечал юбилей К. С. Станиславского. Много горячих и, надо думать, искренних слов было обращено к великому художнику сцены.

Юбилей кончился. А Станиславский? Неужели и он ушел из театра вместе с портретом, унесенным со сцены? Кто же все-таки для актеров Станиславский? Кто он, например, для режиссера Д. О. Козловского и Л. Г. Самарджиди?

Вот Л. Г. Самарджиди играет последнюю сцену в «Смертном приговоре». И невольно думается: сколько раз Станиславский, будь он в зале, произнес бы свое знаменитое «Не верю!».

Это именно тот случай, когда отсутствие внутреннего чувства, веры в «предлагаемые обстоятельства» заставляют актера прибегать к спасительному штампу, не жить чувствами образа, а «представлять», оставаясь холодным и незаинтересованным. Станиславский называл это ремеслом, а не творчеством. Ложный пафос, воздевание рук к небу, модулирующий голос — просто диву даешься, откуда у советского актера эти приемы из далекого театрального прошлого? Разумеется, такое искусство не воспитывает зрителя, а,

в конечном счете, ведет к порче его вкуса.

В нашу задачу не входит подробно рецензировать спектакль «Смертный приговор». Но еще раз хочется спросить: на какой низкопробный вкус рассчитана и эта финальная сцена, о которой уже говорилось, и тот момент, когда Семен Бобров — Самарджиди, притаясь, ждет у двери с топором в руках свою жену, а зал замирает: убьет или не убьет?

Пьеса И. Соболева, изобилующая «ужасами», мелодраматическими положениями требовала, как нам кажется, от Д. О. Козловского особенно строгого, сдержанного режиссерского прочтения. В спектакле же, наоборот, мелодраматизм пьесы прозвучал еще более ошутливо.

Как видим, итоги сезона не утешительны. Конечно, хорошо, что в театре, наконец, стали больше думать о детском зрителе и после тех художественных новогонных интермедий, которые ставились из года в год, осуществлена постановка двух полноценных детских спектаклей. Нельзя не радоваться, что со сцены прозвучало горьковское слово, что театр работает сейчас над «Гамлетом».

Но «Гамлет» и... «Смертный приговор». Почему возможны такие контрасты? И что же все-таки является причиной нетребовательности в выборе пьес советского репертуара?

Думаем, что этого не было бы, если бы коллекция театра был коллективом творческих единомышленников. Но дело обстоит так: есть главный режиссер и есть директор. За три года пребывания в Магнитке А. А. Резинин сделал немало для укрепления театра, его репертуара, справедливо считал, что только большая драматургия — залог идейного и художественного роста театра.

А директор т. Ярский и в прошлые годы охотно включал в репертуар малохудожественные, но, так называемые, «кассовые» пьесы. Сейчас же, а пору беззастенчивой работы театра, тем более видит в них спасение от всех бед. Жизнь, правда, уже доказала, что эти взгляды несостоятельны, что только спектакль, в основе которого — настоящее произведение драматургии, а не ремесленная поделка, не низкопробный детектив и не слезливая мелодрама — будет иметь художественный, а значит и «кассовый» успех.

Быть страстным пропагандистом нового, могучим средством коммунистического воспитания людей, раскрывать перед ними большой мир искусства — такие задачи ставит партия перед художественной интеллигенцией и разумеется перед работниками сцены.

У Магнитогорского театра — особенный зритель. Это — люди трудовой Магнитки, те, кто каждый день приносит новые ценности в общее хозяйство страны.

Этот зритель ждет от своего театра больших мыслей, ярких образов, правдивого отражения глубоких процессов жизни.

А для этого нужно работать горячо, творчески, а главным быть взыскательным художником

О. КАРПОВА.